

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ИЗ ПИНДЕМОНТИ»

Вопрос об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» обычно связывают с двумя вариантами его мистифицирующего заглавия (или, вернее, подзаголовка) — первоначальным «Из Alfred Musset», зачеркнутым в беловом автографе (ПД 236), и окончательным, под которым оно всегда и печатается. Еще академик М.Н. Розанов в 1930 году¹, а вслед за ним — совсем недавно — Сергей Давыдов обнаружили в нескольких стихотворениях обоих названных Пушкиным поэтов мотивы личной свободы, противопоставленной политической власти и общественным интересам, и пришли к выводу, что именно эти тексты следует считать источниками «Из Пиндемонти». «Политические рассуждения Мюссе, — резюмирует Давыдов, — отразились главным образом на первой, “отрицающей” части пушкинского стихотворения. Вторая, утверждающая часть, в которой Пушкин обращается к темам счастья, истинной свободы и природы, по духу своему соответствует скорее настроениям спокойной житейской мудрости Пиндемонти»².

Однако, как справедливо заметил Н.В. Измайлов, полемизируя с Розановым, все указанные исследователем параллели — это не более чем общие места поэзии эпохи романтизма, и ни о какой зависимости пушкинского стихотворения — ни в композиции, ни в лексике, ни в интонации, ни в развитии мысли — не может быть и речи³. Едва ли Пушкин вообще знал об итальянском поэте Ипполите Пиндемонте (как следовало бы транслитерировать его фамилию — Ippolito Pindemonte) намного больше того, что он прочитал о нем в известной книге Сисмонди «О литературе Южной Европы»: «Кавалер Ипполит Пиндемонти из Вероны, вероятно, первый среди итальянских поэтов, писавший мечтательные и меланхолические стихи. Потеря друга, болезнь, которую он считал смертельной, показали ему ничтожество жизни. Он порвал связь со всем личным, и сердце его обратилось к наслаждениям природы,

¹ Розанов М.Н. Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» // Пушкин: Сборник второй (Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности) / Под ред. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 111—142.

² Давыдов С. Последний лирический цикл Пушкина // Русская литература. 1999. № 2. С. 100.

³ Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии А.С.Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 35—36, примеч. 59.

сельской жизни и одиночества <...> все его чувства благородны и чисты»⁴.

Безусловно, иначе обстояло дело с поэзией Мюссе — по замечанию Б.В. Томашевского, единственного французского поэта, который привлекал внимание Пушкина в 1830-е годы⁵ и о котором он сочувственно писал в неопубликованной заметке (1830), называя «молодым проказником», «любезным повесой», издаваемым над нравоучением (7, 145)⁶. Но, приписывая Мюссе свою «декларацию независимости», Пушкин, как и в случае с Пиндемонте, отсылал не к каким-то конкретным текстам, а к образу идущего против течения, независимого поэта-одиночки, с кем он мог бы солидаризироваться. Имена Мюссе или Пиндемонте обозначали для него особую литературную и идеологическую позицию, которую хорошо описывает его известная похвала П.А. Катенину: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно» (7, 183).

Введенные в заблуждение подзаголовками пушкинского стихотворения, исследователи, как правило, не предпринимали попыток установить какие-либо иные источники «Из Пиндемонти». Лишь Е.П. Гречаная указала на то, что образ «Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» восходит, по-видимому, к элегии Андре Шенье «O jours de mon printemps, jours couronnés de rose»⁷, а Е.Г. Эт-

⁴ Sismondi J. C. L. *Simonde de. De la Littérature de Midi de l'Europe*. 3-ème édition. Paris, 1829, Vol. III. P. 72 (*Библиотека Пушкина*. № 1391. С. 338). Рус. пер. цит. по: *Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей*. // Литературное наследство. Т. 16/18: А.С. Пушкин. М., 1934. С. 317—318, примеч. 17.

⁵ *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 163.

⁶ Об этой заметке см.: *Вольперт Л.И.* Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С. 191—192. К лету 1836 года Мюссе получил широкую известность не только как поэт, но и как драматург и прозаик, автор только что вышедшего романа «Исповедь сына века». 23 марта 1836 года П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу, приславшему ему роман из Парижа: «Я в восторге от “L'enfant du siècle”. <...> Альфред Мюссе решительно головою выше в современной фаланге французских литераторов. Познакомься с ним и скажи, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил... <...> Его маленькие драмы dans “La revue des deux mondes” замечательно хороши. Все это сочное и ядреное» (Стафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. Т. III: 1824—1836. СПб., 1899. С. 289—290; с неверной датой). 25 мая Пушкин купил «Исповедь сына века», а 10 июня — «Стихотворения А. Мюссе» (*Абрамович С.Л.* Пушкин. Последний год. М., 1991. С. 217, 234; книги сохранились в пушкинской библиотеке: *Библиотека Пушкина*. № 1203, 1205. С. 297). Именно растущая известность Мюссе, по-видимому, была причиной того, что Пушкин отказался от использования его имени для мистификации, отдав предпочтение малоизвестному в России Пиндемонте.

⁷ *Гречаная Е.П.* Пушкин и А. Шенье (две заметки к теме) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. [1984.] Вып. 22. Л., 1988. С. 101.

кинд предположил, что толчком к созданию стихотворения явилась книга Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке» («De la Démocratie en Amérique»), на которую Пушкин позже откликнулся в статье «Джон Теннер» (см. 7, 298—322), написанной в сентябре 1836 года⁸.

Гипотезу Е.Г. Эткинда, однако, приходится отвергнуть, так как она вступает в противоречие с известными нам сведениями о том, когда именно Пушкин познакомился с книгой Токвиля. Пушкин купил ее, вместе с еще почти пятью десятками иностранных книг, 2 июля 1836 года⁹, тогда как белой автограф «Из Пиндемонта» (ПД 236) датирован 5 июля (а может быть, июня, ибо название месяца написано в автографе очень неявно) того же года. Сохранившийся недатированный черновик (ПД 237) принят относить к тому же числу¹⁰, хотя Пушкин вполне мог работать над ним и в предшествующие дни или недели. Во всяком случае, даже к 5 июля он едва ли мог успеть прочитать двухтомный труд Токвиля, поскольку доставка и разбор большой партии новых книг должны были потребовать некоторого времени.

Косвенно это подтверждается и тем, что в тексте стихотворения, вопреки неосторожному утверждению Е.Г. Эткинда, нет ни малейшего намека на американскую демократию. Как явствует из пушкинских саркастических определений прерогатив парламента — «оспоривать налоги» и «мешать царям друг с другом воевать», — речь в первой, «политической», части «Из Пиндемонта» идет не о республиканском строе, а о конституционной монархии, и за этим просматриваются не американские, а западноевропейские политические реалии 1830-х годов — как Июльская монархия во Франции, где, по слову Пушкина, народ властвовал «со всей отвратительной властью демократии» (7, 273), так и Англия после парламентской реформы 1832 года, уничтожившей старый аристократический парламент — тот «двойственный собор», о котором Пушкин писал в стихотворении «К вельможе» (3, 160—162) и в котором, судя по всему, он видел единственную разумную форму демократического правления.

В этой связи представляется весьма важным, что политическую, отрицающую часть «Из Пиндемонта» завершает маркированная курсивом и раскрытая в примечании цитата из «Гамлета»: «Все

⁸ Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 373.

⁹ Абрамович С.Л. Пушкин. Последний год. С. 257. Книга сохранилась в пушкинской библиотеке: Библиотека Пушкина. № 1440. С. 350; в первом томе разрезаны только 45 страниц; второй том разрезан весь.

¹⁰ Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В. (сост.). Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. М.; Л., 1937. С. 92.

это, видите ль, слова, слова, слова». В ней, как кажется, можно видеть сигнал, указывающий на связь текста именно с английской проблематикой и английскими источниками. Мне уже приходилось писать о том, отвергая доктрину политических прав и свобод и противопоставляя ей идею «иной, лучшей», то есть индивидуальной внутренней, свободы, Пушкин присоединяется к английской консервативной традиции Э. Берка и его последователей, прежде всего Кольриджа и Вордсворта¹¹. Во внимательно прочитанной им книге «Specimen of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge» он должен был обратить внимание на то, как английский поэт противопоставляет свое индивидуальное понимание личного счастья абстрактным идеям Бенгата и его последователей о счастье «максимально большого количества людей», обеспечиваемом демократической государственной властью. «О каком счастье идет речь? Вот в чем вопрос [That is the question], — писал Кольридж, так же, как Пушкин, цитируя «Гамлета». — <...> Я бы скорее предпочел, чтоб меня отпустили с этого пиршества счастья. То, что вы почитаете за счастье, меня бы повергло в отчаяние»¹². Любопытно, что в черновом наброске последний стих «Из Пиндемонта» перекликается с этим полемическим пассажем: Пушкин начал его словами: «Вот счастье мое» (Акад. III: 2, 1032), а затем, насколько можно понять общий смысл плохо читаемой и незаконченной фразы, хотел противопоставить свое понимание «счастья» каким-то иным, враждебным ему представлениям.

С прямым публицистическим выражением подобных представлений Пушкин мог столкнуться в раннем стихотворении другого английского поэта-лейкиста — Роберта Саути «Inscription for a Monument at Old Sagum» («Надпись для памятника в Оулд Саруме», 1799), которое прославляло английскую политическую систему за то, что она основана на законе и священном избирательном праве, гарантирующем счастье для всех британских подданных. В принадлежавшем Пушкину экземпляре парижского издания поэтических произведений Саути это малоизвестное стихотворение, впервые напечатанное в газете и не включавшееся в другие прижизненные сборники «поэта-лауреата», отмечено на полях большим карандашным крестом¹³. Как представляется, данная помета — единственная в огромном томе — означает, что «Надпись на памят-

¹¹ См. С. 47—49 наст. изд.

¹² Specimen of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge. L., 1835. Vol. 1. P. 258—260.

¹³ The Poetical Works of Robert Southey. Complete in one volume. Paris, 1829. P. 707 (de visu; в описании Б.Л. Модзалевского (Библиотека Пушкина. № 1399. С. 340) эта помета не указана).

кин, вероятно, знал о существовании «гнилых местечек»¹⁷, поскольку они нередко упоминались в русской печати, особенно в связи с парламентской реформой 1832 года, их ликвидировавшей, само название Оулд Сарум едва ли что-нибудь ему говорило. Поэтому он должен был читать стихотворение Саути вне конкретного контекста — прежде всего как декларацию, обращенную «гордым свободой» британцем к чужеземцу, которого черт догадал родиться в иной стране, «наследнице рабства». Подобными формулами в Западной Европе обычно описывали Россию, и Пушкин, вероятно, увидел в «Надписи для памятника в Оулд Саруме» заведшее его назидание «русским варварам» — очередной пример той оскорбительной спеси по отношению к иностранцам, в которой неоднократно обвиняли англичан русские путешественники и журналисты, начиная с Карамзина¹⁸.

Как нам представляется, «Из Пиндемонта» было написано как ответ «чужеземца» на эпистолу Саути, чем объясняется диалогическая направленность пушкинского стихотворения (с акцентированными, многократно повторенными личными местоимениями первого лица и вводным «видите ль» в «политической» части), подразумевающего некоего неназванного адресата-оппонента. Фраза «Я не ропщу о том, что отказали боги / Мне в сладкой части оспаривать налоги» (черн. вар.: «Вовек я не роптал, что не судили боги / Мне — счастье оспаривать налоги»; *Акад.* III: 2, 1030) полемически перекликается с сожалениями Саути по поводу несчастной судьбы чужеземца, которому не суждено было родиться в свободной Ан-

лауреата за воспевание английской «законной власти» («Legitimacy»): «Он пропустил свою дорогу в Утопии, а нашел в Оулд Саруме» (*The Poetical Works of Robert Southey*. P. XI). Кристофер Смит, единственный английский исследователь творчества Саути, упомянувший «Надпись для памятника в Оулд Саруме», назвал стихотворение «натянутым и ксенофобским» (*Smith Christopher J.P. A Quest for Home. Reading Robert Southey. Liverpool, 1997. P. 221*).

¹⁷ В так называемом «Разговоре с англичанином» — фрагменте черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург» (1834) — собеседник рассказчика, некий британский путешественник, среди прочих отрицательных сторон английской социальной жизни упоминает о «продажных голосах» (7, 444), имея в виду, скорее всего, изъяны избирательной системы. Тем не менее интерпретация этого замечания Н.К. Козминым, утверждавшим, что «во времена торийского министерства и нереформированного, олигархически-торийского парламента вызывает неодобрение Пушкина открытая продажа голосов в так называемых “гнилых местечках”...» (*Козмин Н.К. Английский пролетариат в изображении Пушкина и его современников // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4—5. С. 286*), представляется безосновательной, особенно если учесть, что «Разговор с англичанином» был написан после парламентской реформы.

¹⁸ См. об этом: *Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М., 1982. С. 172—173.*

глии, а саркастическая оценка парламентской демократии и зависимости от воли народа — с его восторгами по поводу народного волеизъявления и представительства («... so wisely well / In England it is ordered, that the laws / Which bind the people from themselves should spring»). Заметим, что в черновых набросках «Из Пиндемонта» связь с «Надписью для памятника...» и его политической тематикой проявляется даже несколько сильнее, чем в окончательной редакции. Так, первый вариант начала стихотворения обрывается на незаконченном стихе «Я не завидую тому кто...» (см.: *Акад.* III: 2, 1030), который прямо отвечает на императив Саути, адресованный читателю-чужеземцу: «Read and be envious» («Читай и завидуй»). После стихов о прерогативах парламента Пушкин, по-видимому, намеревался упомянуть имена каких-то иностранных политических деятелей или мыслителей, обозначив их звездочками:

И мало нужды мне что *** иль ***
Иль [Мира?] бо иной...¹⁹

После слов: «... Себе лишь самому / Служить и угождать» — в черновике следовало:

...пред силою законной
Не гнуть ни совести, ни мысли непреклонной
(*Акад.* III: 2, 1032), —

что вводило противопоставление личной свободы и совести силе закона, к которой апеллирует Саути.

Наиболее же заметен диалог с «Надписью для памятника...» в концовке «Из Пиндемонта». Пушкинское восклицание «Вот счастье! вот права...» полемически соотносено с занимающим ту же ударную позицию в тексте Саути восклицанием: «...when such / An individual's rights, how happy all!». Тот факт, что у обоих поэтов в последнем стихе появляются рядом, по сути дела, одни и те же слова: «права» и «счастье/счастливый», едва ли можно считать случайным совпадением. Пушкин, как кажется, возражает на максимум Саути, подхватывая ключевые для нее понятия, но вкладывая в них противоположный смысл: он отвергает и развенчивает политиче-

¹⁹ Публикуя этот фрагмент черновика «Из Пиндемонта», Б.В. Томашевский не воспроизвел звездочки после «что» и «иль», а также небесспорно прочитал последний, оборванный стих как «Иль [кто] либо иной» (*Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей. С. 314*). Иное чтение второй строки предложено в *Акад.* (III: 2, 1030) — «Иль м<ожет> б<ыть> иной». Отметим, что в пушкинских текстах, учтенных «Словарем языка Пушкина», форма «кто-либо» не зарегистрирована.

скую концепцию гражданских прав, обеспечивающих всеобщее благоденствие, а взамен декларирует право художника на полную независимость от любой власти и на свободное эстетическое мироощущение, которые и делают его счастливым.

Если мое предположение верно и стихотворение «Надпись для памятника...» Саути действительно послужило главным источником «Из Пиндемонта», это лишней раз показывает, что, вопреки попыткам ряда исследователей доказать обратное, у четырех пронумерованных стихотворений, написанных Пушкиным в июне — июле 1836 года на Каменном острове²⁰, не было ни единого те-

²⁰ Беловой автограф «Из Пиндемонта» имеет номер VI (предложение С.А. Фомичева читать помету не как «VI», а как «№ 1» (см.: *Фомичев С.А.* О лирике Пушкина // *Русская литература.* 1974. № 2. С. 51; *Фомичев С.А.* Последний лирический цикл Пушкина // *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии.* 1981. Вып. 19. Л., 1985. С. 56), на наш взгляд, не имеет под собой никаких оснований). Н.В. Измайлов, первым обративший внимание на нумерацию четырех стихотворений Пушкина, написанных летом 1836 года, и предположивший, что они, по замыслу Пушкина, должны были войти в так называемый каменноостровский цикл, положил начало традиции строить беспочвенные догадки относительно того, какие тексты должны были заполнить пустые места (I и V) в этом гипотетическом цикле. По его мнению, Пушкин оставил номер I для «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», а номер V — для «Когда за городом, задумчив, я брожу...», хотя оба стихотворения были написаны в августе 1836 года и их беловые автографы никак не пронумерованы (*Измайлов Н.В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. С. 29—39). Включение в цикл «Памятника» вызвало в свое время ряд серьезных возражений (см.: *Степанов Н.Л.* Лирика Пушкина. М., 1959. С. 32; *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 121), тогда как идею Н.В. Измайлова о пятом месте «Когда за городом, задумчив, я брожу...» большинство исследователей приняло. Н.Н. Петрунина, правда, отвела пятое место наброску «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» (*Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М.* Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 66—72), а Е.А. Тоддес, благоразумно отказавшись от обсуждения пропущенных номеров и употребляя термин «цикл» не «как описание авторского замысла, а как исследовательскую характеристику материала», отнес к той же группе тематически связанных текстов не только этот набросок, но и близкого к нему по интонации и образному строю «Странника» (*Тоддес Е.А.* К вопросу о каменноостровском цикле // *Проблемы пушкиноведения.* Рига, 1983. С. 26—44).

Отнюдь не пытаясь реконструировать замысел Пушкина, замечу все же, что отсутствие автографов с номерами I и V, на мой взгляд, может иметь только два логически допустимых объяснения: либо эти тексты до нас не дошли, либо к тому моменту, когда Пушкин ставил номера II и III на автографах, датированных 22 июня, и номера IV и VI на автографах, датированных 5 июля, он уже написал (хотя бы вчерне) те стихотворения, которым он намеревался присвоить пропущенные номера. Поскольку единственными общими признаками всех четырех известных нам стихотворений «цикла» являются метр, смежные рифмы и отсутствие деления на строфы, количество кандидатов на эти места весьма ограничено. Для номера I это «Французских рифмачей суровый судья...» (1833), «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834?), «Полководец» (1835) и «Странник» (1835); для номера V к ним добавляется «Напрас-

матического задания, ни сквозного — литургического или какого-то иного — сюжета. Все они порождены разными, никак не связанными друг с другом источниками и различными, иногда противоречащими друг другу творческими импульсами — религиозным («Отцы пустынноики...»), стилизаторским («Подражание итальянскому»), сатирически-публицистическим («Мирская власть»), полемическим («Из Пиндемонта»). Любопытнейший пример столкновения двух разнонаправленных импульсов дает черновая рукопись «Из Пиндемонта». Написав вариант:

... Себе лишь самому

Служить и угождать... пред силою законной
Не гнуть ни совести, ни мысли непреклонной
Перед созданными Искусств и Вдохновенья
Замедливать свой путь (см. *Акад.* III: 2, 1032), —

Пушкин, не закончив стиха, остановился на слове «путь», провел на листе прямую черту и под ней набросал аллегорическую миниатюру в духе «Странника»:

Напрасно я бегу к Сионским высотам
Грех алчный гонится за мною по пятам
Так ревом яростным пустыню оглашая
По ребрам бья хвостом и гриву потрясая
И ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий
Голодный лев следит оленя бег пахучий²¹.

(см. *Акад.* III: 2, 1029; ПД 237, de visu)

Затем он отчеркнул этот набросок и продолжил работу над «Из Пиндемонта» со стихов «По прихоти своей скитаться здесь и там,

но я бегу к Сионским высотам...», написанное на черновике «Из Пиндемонта». Во всяком случае, замысел цикла alexandрийских стихов, как кажется, оказался эфемерным и к августу был Пушкиным отброшен, на что указывает отсутствие номера на автографе стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...», которое по формальным признакам могло бы войти в «каменноостровский цикл», а также план подборки из девяти стихотворений, составленный после 14 августа 1836 года, куда включены «Странник», «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и «Из Пиндемонта», но не «Подражание итальянскому» или «Мирская власть» (см.: *Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 285—286).*

²¹ Стихи 3—4 в рукописи перечеркнуты. Поэтому набросок обычно печатается без них, как четверостишие, с заменой начальной «И» на «Так» в строке «И ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий» (ср. 3, 335).

/ Дивясь божественным природы красотам», очевидно подсказанных только что найденной рифмой «высотам / пятам». Создается впечатление, что этим наброском Пушкин вступил в диалог с самим собой, отразив в предложенном им в «Из Пиндемонта» идеал духовного пути как греховный с точки зрения христианского сознания²². Тем не менее он дописал «Из Пиндемонта» до конца и аккуратно перебелил его, а к наброску больше не возвращался: из двух вариантов пути — «побега к Сионским высотам» и свободного светского странствия «здесь и там», среди красот природы и созданий искусств, — Пушкин явно отдал предпочтение последнему.

ВАЛЬТЕР-СКОТТОВСКИЙ ИСТОРИЗМ И «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Зависимость «Капитанской дочки» от жанровых моделей, канонизированных в 1820-е годы историческими романами Вальтера Скотта и его подражателей, давно не вызывает никаких сомнений. Как показал еще Д.П. Якубович, само построение повествования, почти все сюжетные перипетии и функции отдельных персонажей у Пушкина восходят непосредственно к вальтер-скоттовским романам. Выводы Якубовича были впоследствии подтверждены рядом других исследователей, дополнивших и уточнивших его конкретные наблюдения¹. Недавно Марк Альтшуллер, подытожив все параллели, назвал «Капитанскую дочку» самым вальтер-скоттовским романом в русской литературе. Опираясь на работы своих предшественников, он показывает, что главным образцом для Пушкина послужил «Роб Рой» — роман, который, как и «Капитанская дочка», написан в форме «семейственных записок» главного героя, вспоминающего на склоне лет героические приключения своей юности². В обоих текстах строгий отец в воспитательных целях отсылает из дома легкомысленного сына, который отправляется в путешествие на чужую пограничную территорию и по дороге случайно знакомится с легендарным разбойником, историческим персонажем (соответственно Роб Роем, шотландским угонщиком скота, и Емельяном Пугачевым). В результате этой провиденциальной встречи разбойник становится благодетелем и защитником главного героя, спасая ему жизнь. Как в «Роб Рое», так и в «Капитанской дочке» простодушному и честному герою противостоит хитрый и лживый соперник-антагонист, циничный подлец, который, неоднократно нарушая кодекс чести, предаёт своих и переходит к врагу, — Рашлей Освальдистон у Скотта и Швабрин

¹ См. Якубович Д.П. «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1939 [Вып.] 4—5. С. 165—197; Greene M. Pushkin and Sir Walter Scott // Forum for Modern Language Studies. 1965. Vol. 1. № 3. P. 207—215; Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Пути эволюции. Л., 1987. С. 241—248; Долинин А.А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 231—234; Frazier M. Kapitanskaja dochka and the Creativity of Borrowing // The Slavic and East European Journal. 1993. Vol. 37. № 4. P. 472—489 и др.

² Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 240—257.

²² Ср. схожую мысль в Toddес E.A. К вопросу о каменноостровском цикле. С. 33.